

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА,

*магистр экономических наук,
аспирантка, преподаватель экономического факультета,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия,
e-mail: ale9088@yandex.ru*

В статье рассматривается влияние неформальных институтов на определение вектора интеграционных процессов и развитие интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины. Определяется степень научной разработки данного феномена в рамках различных экономических школ. Экономическая ментальность является базовым неформальным институтом, определяющим степень эффективности развития интеграционных процессов. В данной статье рассматриваются сущность, характеристики и влияние экономической ментальности на экономическую деятельность людей. Этнометрический метод позволяет измерить количественно экономическую ментальность, что дает возможность глубже понимать и анализировать становление и функционирование политико-экономического строя, особенности ведения бизнеса и менеджмента, установления контактов с другими культурами. На основе международной методики Хофстеда была измерена современная белорусская экономическая ментальность и сопоставлена с экономической ментальностью России, Украины и Казахстана. С помощью кластерного анализа была определена конгруэнтность экономической ментальности стран Таможенного союза и Украины. Экономическая ментальность данных стран была также сопоставлена с экономической ментальностью других стран с целью определения основных типов экономической культуры.

Ключевые слова: *неформальные институты; экономическая ментальность; Таможенный союз; кластеризация; конгруэнтность. конвергенция.*

IMPACT OF INFORMAL INSTITUTIONS ON THE DEVELOPMENT INTEGRATION PROCESSES

SIDOROVA ALEXANDRA, M.,

*Master of Economic Science,
Postgraduate Student, Lecturer of Economic Faculty,
Belarus State University, Minsk, Belarus,
e-mail: ale9088@yandex.ru*

The paper deals with the impact of informal institutions on the definition of the vector integration processes and the development of integration processes in the countries of the Customs Union and Ukraine. The degree of scientific development of the phenomenon in different economic schools is determined in this article. Economic mentality is a basic informal institutions, which determines the degree of effectiveness of the integration processes. This paper examines the nature, characteristics and effects of economic mentality on the economic activities of people. Ethnometric method allows to quantify the economic mentality that enables deeper understanding and analysis of the formation

and functioning of political and economic system, especially business and management, establishing contacts with other cultures. It was measured modern Belarusian economic mentality based on international methodology Hofstede and compared with the economic mentality of Russia, Ukraine and Kazakhstan. With the help of cluster analysis congruence economic mentality of the Customs Union and Ukraine was determined. Economic mentality of these countries was also compared with the economic mentality of other countries in order to identify the main types of economic culture.

Keywords: *informal institutions; economic mentality; Customs Union; clustering; congruence, convergence.*

JEL: *A10, A13, B15.*

Постановка проблемы

В современном мире одним из важнейших векторов развития является создание интеграционных образований. С целью увеличения экономического потенциала и усиления политического влияния на мировой арене страны стремятся объединяться в интеграционные союзы. Наибольшую важность и значимость приобретают экономическая и политическая интеграции.

Экономическая интеграция позволяет использовать преимущества от масштаба, расширить рынок, увеличить приток инвестиций из-за рубежа, создать более благоприятную внешнеэкономическую среду, разрешить многие проблемы торговой политики, провести структурную перестройку стран, развить национальную экономику более высокими темпами, расширить инфраструктуру, внедрять новейшие технологии.

Политическая интеграция позволяет в более сжатые сроки согласовать общую внешнюю и внутреннюю политику, проводить и защищать свои интересы на международной арене.

Начало 90-х годов XX века ознаменовалось глубокими экономическими реформами, которые затронули все “новые” страны, получившие реальную независимость после распада СССР. Каждой стране пришлось искать свой путь развития и строить свою государственность.

Несмотря на полученную независимость постсоветскими странами, СССР представлял собой высокоинтегрированную систему, где все отдельные части были тесно связаны друг с другом. Это было обусловлено разделением труда между бывшими членами СССР, длительностью совместного проживания многих народов в рамках одного государства, производственной и технологической взаимозависимостью.

Несмотря на противоположные тенденции в политике постсоветских стран, развитие интеграционных преобразований является достаточно перспективным, так как может принести большое количество экономических выгод.

Одним из наиболее значимых примеров интеграционного объединения является Таможенный союз, предусматривающий создание единой таможенной территории, в пределах которой во взаимной торговле товарами не взимаются таможенные пошлины и не накладываются другие ограничения экономического характера, а также применяются единые таможенные тарифы и другие меры регулирования при торговле с другими странами.

При исследованиях как самих институтов и институционального устройства социально-экономической системы, так и основных институтов стран, которые способствуют или препятствуют эффективной и успешной интеграции или появляются после создания интеграционных образований, основное внимание уделяется формальным правилам и механизмам их функционирования. Однако неформальные институты имеют огромное влияние на поведение различных субъектов. Д. Норт писал в своем фундаментальном исследовании, что “даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие

перед нами ситуации выбора; несложно увидеть, что неформальные правила пронизывают всю нашу жизнь” (Норт, 1997. С. 56). И в отличие от формальных институтов, неформальные институты не могут возникнуть мгновенно “по заказу”. Они выступают, как продукт спонтанной эволюции и свободного выбора людей. Они основаны на эмоциональных, религиозных, этнических факторах (Либман, 2006. С. 53-64).

Различные экономические школы в явном или неявном виде затрагивали некоторые аспекты неформальных институтов. В первую очередь, они изучали культурные ценности как одну из детерминант экономического поведения.

Таблица 1

**Изучение влияния неформальных институтов в разрезе
экономических школ**

Экономическая школа (направление)	Основные выводы
Классическая школа	<ol style="list-style-type: none"> 1. Неформальные институты как основа идеологии, предопределяющая возможность функционирования рыночной экономики. 2. Изучение законов человеческой природы, определяющих экономическое поведение. 3. Определение важности ценностей и нравственности общества, которые определяют тип экономической системы. 4. Постепенно “вынос” законов человеческой природы и нравственных норм за пределы экономического анализа.
Неоклассическая теория	<p>признавала необходимость изучения факторов и мотивов, формирующих экономическое поведение субъектов хозяйствования, но выведение данных факторов и мотивов из анализа; предполагается, что предпочтения заданные экзогенно.</p>
Институционализм	<ol style="list-style-type: none"> 1. Введение понятия институтов как центральной единицы анализа; институт – это в первую очередь обычаи, традиции и привычки. 2. Изучение влияния неэкономических факторов на экономическое поведение. 3. Внедрение изучения экономической ментальности в предмет экономической науки.
Историческая школа	<ol style="list-style-type: none"> 1. Экономика как одна из частей социальной сферы. 2. Культура, обычаи и традиции определяют тип экономической системы и формы хозяйственной деятельности, степень развития производительных сил, формируя уникальную модель системы хозяйствования.
Шумпетер	<p>люди основывают свои действия и решения согласно привычкам и предыдущему опыту, а меняют свое поведение лишь тогда, когда к этому вынуждают обстоятельства. Обосновывал важность изучения психологических факторов и их влияние на новаторское поведение.</p>

Продолжение Табл. 1.

Марксизм	человек – существо общественное; совокупность общественных отношения и культура воплощается в материально-вещественных формах производства.
Эволюционная теория	при принятии решения индивид пользуется своими привычками и умениями, а организационная структура рутинными, которые представляют собой знания, навыки и устоявшиеся модели поведения, которыми пользуются на бессознательно-сознательном уровне.
Неоинституционализм	1. Обосновано, что “институты имеют значение”. 2. Введено само понятие неформальных институтов в экономическую науку и обозначена их роль в социально-экономической динамике. 3. Разработана концепция path dependence – зависимость от предшествующей траектории развития.
Отечественная экономическая мысль	тесная взаимосвязь экономики с нравственностью, влияние психологических факторов на экономическое поведение.
Современная экономическая наука	изучение неформальных институтов как важных детерминант поведения людей и принятия ими хозяйственных решений. Нормы, обычаи, традиции, привычки оказывают влияние на принятие экономических решений субъектами хозяйствования и играют важнейшую роль в выборе институционального устройства и вектора сотрудничества с другими странами, причем мотивы поведения людей и принятия ими решений гораздо сложнее, чем в упрощенных моделях принятия решений, описываемых на основе принципа максимизации полезности. Активное применение междисциплинарного подхода: использование теоретических достижений социологии и психологии, применение различных методик для оценки хозяйственной культуры. Концептуальная разработка понятия неформальных институтов и экономической ментальности. На постсоветском пространстве анализ духовной составляющей народов и ее соответствие проводимым реформам, изучение экономической ментальности как базового неформального института и ее оценка, обоснование важности ментальных и культурных факторов как важных предпосылок развития интеграционных процессов.

Источник: авторская разработка.

Изначально внимание к феномену неформальных институтов привлекли ранние институционалисты, для которых было характерно включение непосредственно в предмет исследования поведения людей и факторы его обуславливающие. Присутствовало осознание приоритета ментальности социальных групп и ее влияния на хозяйственную деятельность. Единицей анализа являлся институт, под которым понималась преимущественно совокупность правил, обычаев, способов и стереотипов мышления и поведения индивидов как членов социальных групп и общества в целом (например, Т. Веблен включал инстинкты в предмет

изучения экономической науки). Представителями раннего институционализма понимались важность и значение предшествующего социального развития и унаследования ментальных особенностей, регулирующих и регламентирующих взаимодействие людей. Веблен отмечал, что для того, чтобы особенность поведения сохраняла свою силу и повторялась, необходимо, чтобы она опиралась на привычку или предрасположенность (Веблен, 1984. С. 104).

Внимание к данному феномену все возрастает, особенно со времени разработки методики измерения культур Хофстеда. Также влияние неформальных институтов изучали Ф. А. Хайек, Д. Норт, Э. Рих, А. Сен, Э. де Сото и др.

На постсоветском пространстве также активно проводятся исследования в данной области. В первую очередь это связано с распадом СССР и началом проведения рыночных реформ. В основном данные исследования проводятся в рамках институционального направления, концентрируясь на анализе духовной составляющей народов и ее соответствии проводимым реформам, изучении этнических характеристик народов и их количественном измерении, влиянии духовной сферы на экономику (З. В. Сижевич, П. Н. Шихирева, М. В. Грачева, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, В. А. Сумин, Л. Г. Горичева, В. С. Магун, М. Г. Руднев и др.).

Различные ученые исследуют, каким образом неформальные институты влияют на политическое устройство, судебную, законодательную и избирательную систему и на прочие формальные институты, определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, что, в конечном итоге, позволило сделать ряд важных выводов (Helmke, 2012).

Неформальные институты способствуют организации реального функционирования интеграционного объединения. Расширение и закрепление эффективных экономических взаимосвязей возможно лишь тогда, когда оно будет основано на конгруэнтных неформальных институтах, а интеграционные процессы будут основаны на дальнейшем развитии и закреплении ценностей, традиций, норм консолидированного экономического поведения (Акопян, 2008. С. 39-42). Неформальные институты во многом определяют качество созданного интеграционного образования, его масштабы, отличительные черты, структуру, общую стратегию взаимодействия и основные мотивы.

Накопленный исторический опыт интеграционного взаимодействия показывает, что стратегия и тактика стран, которые участвуют в интеграционном объединении, во многом соответствуют устоявшейся в этих странах системе ценностей и традиций, сложившихся порядков, типов социально-экономической системы (Барковский, 2003. С. 131-145). Наличие конгруэнтных неформальных институтов определяет вектор интеграционного развития и обеспечивает более эффективное проведение интеграционных процессов. Поэтому важно, чтобы в ситуации развития интеграционных процессов и формирования новой институциональной основы учитывались не только существующая политическая и социально-экономическая система, но и неформальные институты, исторически сложившиеся в странах.

Экономическая ментальность как базовый элемент неформальных институтов и ее роль в развитии интеграционных процессов

Национальная экономическая ментальность является фундаментальным неформальным институтом, детерминирующим вектор и результаты, как институциональных преобразований, так и вектор интеграционного развития (Лемещенко и Сидорова, 2013. С. 28-36).

Поэтому на современном этапе в рамках исследования духовных основ человеческого поведения и тех механизмов, которые определяют тот или иной выбор человека или социума, целесообразно обратиться к феномену экономической

ментальности как базовому неформальному институту, который определяет как неформальные, так и формальные институты, а также обеспечивает вектор взаимодействия и стратегию реформирования социально-экономической системы (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура института
Источник: авторская разработка.

Экономическая ментальность – это продукт историко-культурного наследия, который является цементирующим элементом, объединяющим людей в общность. Именно тут находятся глубинные психологические установки, их реакции, стимулы, стереотипы поведения. Это, по сути, бессознательный уровень, который зачастую выпадает из исследований, но играет первичную роль, как в любых преобразованиях, так и в развитии интеграционных процессов (Дефорж, 2007. С. 167-171). Именно данный бессознательный уровень формирует систему ценностей, вполне осознаваемую, которой руководствуется человек или группа людей в принятии решений.

Впоследствии система ценностей образует неформальные правила игры, которые представлены в обществе социальными нормами, а формальные – закрепляются юридическими документами.

Из этой схемы видно, что проведение фундаментальных преобразований требует изменения в самом ядре социально-экономической системы. Причем необходимо также учитывать следующие факторы: системность и тесную взаимосвязь всех институтов между собой, неоднородность их состава (Кузьминов, Радаев, Яковлев и Ясин, 2005. С. 5-27).

Более того, понимание взаимосвязи и взаимообусловленности формальных и неформальных изменений является ключом к пониманию всей динамики институциональных трансформаций, вопросу, имеющему большое значение для постсоветских стран (Кузьминов, 1992. С. 44-57).

Многие исследователи видят именно в неформальных институтах (в особенности ментальности) институциональный “скелет”, содержащий весь

генетический материал, обеспечивающий социальное воспроизводство данного типа (Дегтярева, 2006. С. 50-55). Менталитет определяет сущность всей системы, соотношение формальных и неформальных институтов, неизменность и одновременно с этим предпосылки к интеграционным процессам разных стран.

В основе выбора стратегии реформирования социально-экономической системы лежит идея динамики взаимодействия экономической ментальности как базового неформального института, определяющую всю структуру неформальных институтов с формальными институтами.

Таблица 2

Модели взаимодействия экономической ментальности и формальных институтов

Модели взаимодействия	Характер взаимодействия	Результат взаимодействия
Полная конгруэнтность экономической ментальности и формальных институтов	присутствует конвергенция	высокие темпы реформирования; низкие издержки; основные стратегии – выращивание институтов с учетом экономической ментальности и легализация существующих неформальных норм (генетическая стратегия)
Относительная конгруэнтность экономической ментальности и формальных институтов	присутствует конвергенция	относительная эффективность; основные стратегии – создание промежуточных институтов, их конструирования с учетом экономической ментальности и поставленной цели (генетическая стратегия)
Отсутствие конгруэнтности экономической ментальности и формальных институтов	присутствует дивергенция	низкая эффективность; высокие издержки; основная стратегия – импорт (трансплантация) институтов (теологическая стратегия)

Источник: авторская разработка.

Неучет экономической ментальности может привести к хаотичности, разрозненности, неустроенности последствий проводимых изменений (Малый, 2007. С. 32-37). Это касается и интеграционного развития. По аналогии со стратегиями институциональных изменений, интеграционные процессы могут идти двумя направлениями:

- Теологическим. Развитие интеграционных процессов обусловлено политической волей, а за шаблон берется уже созданное интеграционное объединение.
- Генетическим. Основой интеграционных процессов являются исторические

процессы и общность неформальных институтов, которые сложились в данных странах.

Многие исследователи акцентируют внимания на существовании многих проблем теологической стратегии, а поэтому популярной становится идея перехода на генетический путь интеграционного развития. Для этого необходимо знать особенности исторического развития и их влияние на современное состояние, а также особенности самой нации. Это подводит к необходимости изучения экономической ментальности (ее сущности, структуры, проявления в жизни общества и т.д.).

А. Олейник в учебнике “Институциональная экономика” так определяет категорию экономическая ментальность: экономическая ментальность характеризует специфику сознания населения, которое складывается исторически и проявляется в единстве сознательных и несознательных ценностей, норм и установок, которые отображаются в поведении населения. Она включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, а также степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту (Олейник, 2005. С. 702).

Сущность, особенности и характеристики экономической ментальности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сущность, особенности и характеристики менталитета

Сущность	Свойства	Характеристики
1) менталитет - совокупность взаимосвязанных качественных и количественных социально-психологических особенностей индивида; 2) менталитет определяют три фактора: генотип субъекта, природная и социальная среда, собственная креативная деятельность субъекта; 3) менталитет обуславливает своеобразный характер восприятия мира субъектом; 4) менталитет определяет специфическую направленность деятельности субъекта; 5) менталитет обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности; 6) менталитет является важным фактором социального прогресса посредством введения и укоренения культурных инноваций (новых ментальных особенностей).	1) латентность – скрытость от непосредственного наблюдения; 2) константность – устойчивость и воспроизводимость в любых условиях, в том числе и кризисных; 3) амбивалентность – двойственность, противоречивость проявления; 4) взаимосвязанность и агрегатность – проявление в качественной системности характеристик менталитета.	1) ментальность – характеристика социума в целом, обобщенный и абстрактный признак, который усредняет все индивидуальные признаки и превращает общество в примерно однородную массу; 2) ментальность – результат исторического развития общества; 3) ментальность – наиболее скрытая, глубинная, неотфлексированная часть общественного сознания, основанная на бессознательных и подсознательных механизмах; 4) содержание ментальности – латентные, скрытые ценностные взгляды и ориентиры (картины мира, стереотипы сознания); 5) ментальность – устойчивая характеристика, которая очень медленно подвергается изменению. Также можно отметить, что ментальность является одним из главных детерминант любого поведения людей.

Источник: составлено по (Губанов, 2007. С. 3-24; Кириенко, 2007. С. 25-32; Латов и Латова, 2005. С. 347-374).

Что касается структурных уровней экономической ментальности, то, суммируя все наработки по этому вопросу в мировой научной мысли, можно выделить следующие (Тевено, 2005. С. 83):

- уровень бессознательного (подсознание, коллективное несознательное);
- уровень сознательного (осознание, рефлексия);
- уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и несознательных (подсознательных) ценностей;
- уровень ментальности определенной социальной группы, сообщества, единство общепринятых в их пределах норм и установок.

Интеграционные процессы стран Таможенного союза в контексте экономической ментальности

Наличие конгруэнтных неформальных институтов между странами способствует проведению более эффективной интеграционной политики. Поэтому одной из важнейших задач является измерение экономической ментальности, которая может как способствовать, так и препятствовать эффективному осуществлению интеграционной политики в рамках Таможенного союза и сопоставление с целью определения ее конгруэнтности или дивергенции в рамках стран Таможенного союза.

Одним из наиболее популярных подходов к измерению и сравнению экономической ментальности разных стран является этнометрический подход. Этнометрия – это направление этносоциальных исследований, в котором анализируются ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов (Латов и Латова, 2008. С. 80-91). Данные исследования становятся все более популярными. Начало им было положено западными учеными в 50-60 гг. XX века. Одной из главных причин были процессы глобализации, которые увеличивали взаимозависимость и комплиментарность различных стран и народов. На теоретическом уровне подобные исследования давали возможность глубже понимать и анализировать становление и функционирование политико-экономического строя, особенности ведения бизнеса и менеджмента. Полученные знания возможно эффективно использовать на практике, так как именно национально-культурные различия являются важной детерминантой любых преобразований, влияющей на конечный результат всего процесса. Эти же знания можно эффективно применять при установлении контактов с представителями других национальностей (что особенно важно в области ведения бизнеса в современном мире).

Именно этнометрические исследования обосновывают, как культура влияет на все формальные стороны жизни общества. Ведь непосредственно ментальность, находя свое выражение в культуре и системе ценностей, оказывает решающее воздействие на способ постановки проблемы, способ ее решения, способ мышления и восприятия и, самое важное, на целесообразность того или иного пути развития трансформаций. Так Ф. Тромпенаарс писал, что именно моральные ценности создают и увеличивают благосостояние нации при правильном и эффективном их использовании (Тромпенаарс и Хэмден-Тернер, 1993. С. 6). Этнометрия позволяет измерить и анализировать основные культурные ценности (ментальности) наций и сравнивать их с культурными ценностями других наций, т.е. ранжировать их по “ментальным” полюсам.

Для измерения белорусской ментальности использовалась методика Хофстеда, основанная на пяти измерениях.

Первое измерение – это дистанция власти (PDI). По определению Г. Хофстеда, это “тот предел, до которого члены общества, владеющие меньшей властью, принимают, что власть распределена неравномерно” (Хофстед, 2012. С. 5). “Дистанция власти” — это одна из базовых ценностей, представление о мире, связанное с решением вопроса: почему не все люди равны.

Второе измерение – измерение индивидуализма (в противовес

коллективизму. Индивидуализм характеризует ситуацию, когда ценность существования общества определяется возможностью создавать необходимые условия и возможности для удовлетворения потребностей и достижения целей определенной личности. Коллективизм, наоборот, означает изначальную заинтересованность людей в сплоченных группах, подчинение интересов отдельных людей интересам общества (Хофстед, 2012. С. 5).

Третье измерение – это индекс маскулинности (MAS) (в противовес фемининности). Маскулинность (мужественность) – это ценность достижения рациональности, прямых действий, зарабатывания денег, ответа на вызовы внешнего мира. Фемининность (женственность) проявляется в значимости жизненного пространства, чувств, честности и открытости в контакте (Хофстед, 2012. С. 5).

Четвертое измерение - избегание неопределенности (UAI) (включает отношение к работе, отношение к конфликтам, отношение к разногласиям, отношение к риску, формализованность отношений). Этот показатель связан с решением вопроса о выборе жизненной стратегии. Чем выше этот показатель (высокое избегание неопределенности), тем больше население нуждается в четких правилах и отторгает нововведения. В странах с низким избеганием неопределенности преобладает стремление к нововведениям и проявлению инициативы, изменения рассматриваются как возможность обретения чего-то нового.

Пятое измерение – конфуцианский динамизм или долгосрочная/ краткосрочная ориентация (LTO). Этот показатель также еще называется патернализмом. Этот показатель отражает долгосрочную ориентацию общества, в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации. А также данный показатель определяет: существует ли потребность у более “слабых” представителей общества в защите и опеке со стороны государства (Хофстед, 2012. С. 5).

С целью измерения современной белорусской экономической ментальности был проведен опрос согласно “Модуль исследования ценностей 1994” (VSM 94). Согласно методике анализа и подсчета результатов, используемой в VSM 94, по Республике Беларусь получились следующие данные (см. табл. 4).

Таблица 4

Показатели Хофстеда по Республике Беларусь

Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IND)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)
62	39	49	76	61

Источник: составлено автором на основе проведенного опроса.

Для белорусского народа характерен выше среднего уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма. Согласно результатам, белорусская экономическая ментальность сочетает в себе характеристики как восточного, так и западного менталитета.

Оценки экономической ментальности для стран Таможенного союза и Украины следующие (см. табл. 5):

Таблица 5

Измерения экономической ментальности по странам Таможенного союза и Украины

Показатели	PDI	IND	MAS	UAI
Беларусь	62	39	49	76
Россия	33	36	48	70
Украина	70	53	18	63
Казахстан	73	42	52	27

Источник: оценки Беларуси – получены автором; России - были рассчитаны А. И. Наумовым в 2006 г; Украине - представлены И. В. Агеевой; Казахстану - как таковые не рассчитывались, поэтому за основу были взяты оценки исследования GLOBE, предварительно переведенные в шкалу Хофстеда.

Наличие конгруэнтности экономической ментальности было определено с помощью кластерного анализа.

Проведя кластерный анализ, можно выделить группы стран, которые обладают схожими ментальными характеристиками, облегчающими проведение интеграционных процессов (см. табл. 6).

Таблица 6

Кластеризация стран в контексте экономической ментальности

Страны с рыночным менталитетом	Страны с рыночным социально-демократическим менталитетом	Страны с промежуточным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком)	Страны с конфуцианским менталитетом
Страна	Страна	Страна	Страна
США	Швеция	Венесуэла	Северная Африка
Швейцария	Норвегия	Уругвай	Сингапур
Южная Африка	Нидерланды	Турция	Филиппины
Новая Зеландия	Финляндия	Таиланд	Малайзия
Италия	Дания	Тайвань	Ямайка
Израиль	Эстония	Испания	Индонезия
Ирландия		Эль-Сальвадор	Индия
Великобритания		Португалия	Гонконг
Германия		Перу	Эквадор
Канада		Пакистан	Восточная Африка
Бельгия		Мексика	Казахстан
Австрия		Иран	Бангладеш
Австралия		Гватемала	Китай
Люксембург		Греция	Вьетнам

Продолжение Табл. 6.

Страны с рыночным менталитетом	Страны с рыночным социально-демократическим менталитетом	Страны с промежуточным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком)	Страны с конфуцианским менталитетом
Страна	Страна	Страна	Страна
Чехия		Франция	
Венгрия		Коста-Рика	
		Колумбия	
		Чили	
		Бразилия	
		Аргентина	
		Арабские страны	
		Беларусь	
		Россия	
		Украина	
		Болгария	
		Мальта	
		Панама	
		Польша	
		Румыния	
		Суринам	
		Марокко	
		Хорватия	
		Сербия	

Источник: составлено автором.

Таким образом, страны были разделены на четыре группы: страны с рыночным менталитетом, страны с рыночным социально-демократическим менталитетом, страны с переходным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком), страны с нерыночным менталитетом согласно четырем основополагающим ментальным критериям – дистанции власти, индивидуализму, избеганию неопределенности и маскулинности.

Общими признаками стран с рыночным менталитетом являются индивидуализм преимущественно высокий, низкая дистанция власти, высокий показатель маскулинности и избегание неопределенности варьируется от низкого до высокого. Общими признаками, которые в наибольшей степени характеризуют данную группу, являются высокая маскулинность и высокий индивидуализм, которые в равной степени присутствуют в каждой стране данной группы. В целом данную группу можно разделить на две подгруппы. Первая подгруппа состоит из стран США, Южной Африки, Новой Зеландии, Ирландии, Великобритании, Канады

и Австралии, для которых характерны признаки капиталистического менталитета в чистом виде: высокий индивидуализм, низкая дистанция власти, высокая маскулинность и низкий уровень избегания власти. Вторая подгруппа состоит из стран Италии, Израиля, Германии, Бельгии, Австрии, Люксембурга, Швейцарии, Чехии, Венгрии, которые отличаются от первой подгруппы более высоким уровнем избегания неопределенности и немного более высоким уровнем дистанции власти (за исключением Австрии).

Общими признаками стран с рыночным социально-демократическим менталитетом являются ниже среднего дистанция власти, достаточно высокий индивидуализм, низкий уровень маскулинности (доминирование феминности) и уровень избегания неопределенности от низкого до среднего. Данную группу также можно разделить на две подгруппы: первая (Норвегия, Нидерланды, Финляндия, Эстония) отличается средним уровнем избегания неопределенности, тогда как во второй (Швеция, Дания) уровень избегания неопределенности низкий.

Общими признаками стран с промежуточным менталитетом (между Западом и Востоком) средней и высокой дистанцией власти, от низкого до умеренного уровня индивидуализма, низкой или умеренной маскулинностью, высоким уровнем избегания неопределенности. Данную группу можно разделить условно на три подгруппы: первая подгруппа – Испания, Япония, Франция, Аргентина, Россия, Беларусь, Украина, Мальта, Польша – характеризуется средней и выше среднего дистанцией власти, умеренным индивидуализмом, показатель маскулинности варьируется от среднего до высокого и высоким показателем избегания неопределенности; вторая подгруппа – Венесуэла, Турция, Таиланд, Тайвань, Пакистан, Мексика, Колумбия, Бразилия, Арабские страны, Марокко, Хорватия, Иран – характеризуется средней (умеренной) и высокой дистанцией власти, низким и ниже среднего уровнем индивидуализма, умеренной маскулинностью и высоким уровнем избегания неопределенности. В целом деления между этими двумя группами достаточно условны, и они могут рассматриваться как одна. Третья подгруппа – Уругвай, Южная Корея, Сальвадор, Португалия, Перу, Гватемала, Греция, Коста-Рика, Чили, Панама, Румыния, Суринам, Сербия, Словения – характеризуется умеренной и высокой дистанцией власти, низким уровнем индивидуализма, низким и умеренным уровнем маскулинности, высоким уровнем избегания неопределенности. В группу стран с промежуточным менталитетом вошли Россия, Беларусь и Украина. В частности, для России характерны ниже среднего уровень дистанции власти, ниже среднего уровень индивидуализма, умеренная маскулинность и высокий уровень избегания неопределенности. Беларусь отличается выше среднего уровнем дистанции власти, ниже среднего уровнем индивидуализма, умеренной маскулинностью и высоким уровнем избегания неопределенности. А у Украины выше среднего уровень дистанции власти, выше среднего уровень индивидуализма, низкий уровень маскулинности, выше среднего уровень избегания неопределенности.

Общими признаками стран с нерыночным менталитетом являются очень высокий уровень дистанции власти, низкий уровень индивидуализма, от умеренной до очень высокой маскулинности, показатель избегания неопределенности находится в пределах от низкого до выше среднего. В целом все страны данного кластера (Северная Африка, Сингапур, Филиппины, Малайзия, Ямайка, Индонезия, Индия, Гонконг, Восточная Африка, Казахстан, Бангладеш, Китай, Вьетнам, Эквадор) однородны. Только для Ямайки характерен умеренный уровень дистанции власти. В частности, Казахстану характерны высокий уровень дистанции власти, ниже среднего показатель индивидуализма, умеренная маскулинность, ниже среднего показатель избегания неопределенности.

Исходя из основных характеристик экономической ментальности, можно выделить различные типы экономической культуры, которые соответствуют подгруппам для всех четырех групп стран (см. рис. 2).

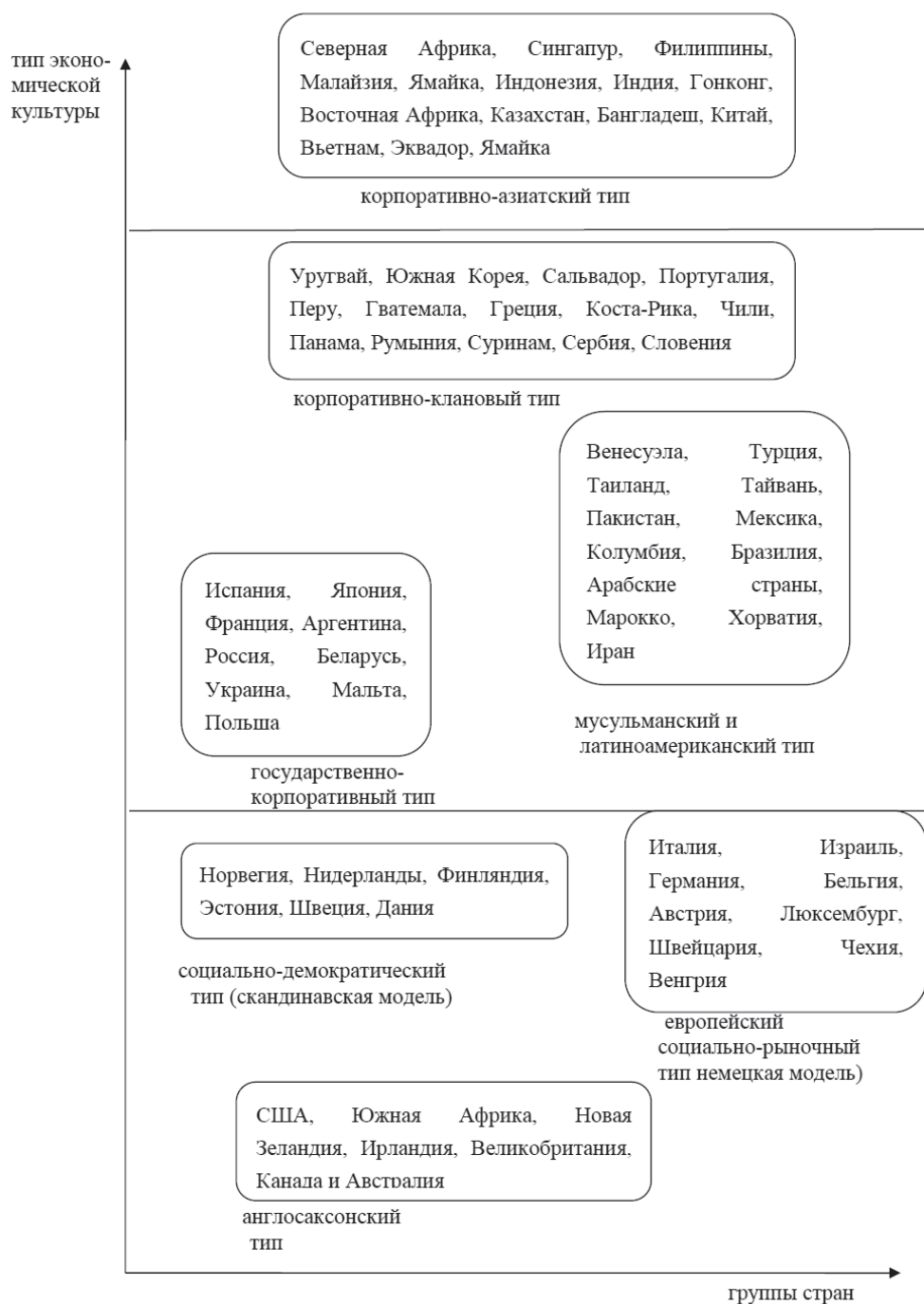

Рис. 2. Типология стран в контексте экономической культуры

Источник: составлено автором.

В целом Беларусь, Россия и Украина попали в кластер стран с промежуточным менталитетом между Западом и Востоком. Казахстан же находится в кластере стран с конфуцианским менталитетом. Экономической культуре Украины, России, Беларуси соответствует государственно-корпоративный тип, а Казахстану – корпоративно-азиатский. Ментальная конгруэнтность стран имеет значение для реализации стратегии интеграционных преобразований. Успеху в ее реализации способствуют схожие неформальные институты стран и в первую

очередь схожесть в экономической ментальности. Для того чтобы изменить вектор интеграции, надо в определенной степени и изменить неформальные институты. Т.е. гипотеза, выдвигаемая в работе, подтвердилась. Наличие конгруэнтных неформальных институтов между странами действительно способствует проведению более эффективной интеграционной политики. В Беларуси, России, Казахстане и в определенной степени в Украине существуют общие ментальные характеристики, что, в конечном счете, и способствует проведению интеграционных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопян А. С. (2008). Формирование институтов интеграции постсоветских стран // *Вестник ВолГУ*, № 1 (12), с. 39-42.
- Барковский А. Н. (2003). Экономические стратегии стран СНГ: поляризация интересов // *Проблемы прогнозирования*, № 3, с. 137-145.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Издательство Прогресс, 367 с.
- Губанов Н. И. (2007). Менталитет и формы его проявления в современном обществе: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09. 00. 11, Рос. академ. мед. наук. Москва, 24 с.
- Дегтярева С. В. (2006). Становление институциональной системы экономики и институциональные изменения // *Научные труды ДонНТУ, Серия: экономическая*, Вып. 103-2, с. 50-55.
- Дефорж С. Ю. (2007). Трансплантация институтов как форма становления социальной рыночной экономики // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*, Вып. 31-1, с. 167-171.
- Кириенко В. В. (2007). Менталитет современных белорусов (социологический анализ): дис. док-ра социологических наук 22.00.06, Минск, с. 25-32.
- Кузьминов Я. И. (1992). Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации // *Вопросы экономики*, № 3, с. 44-57.
- Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А. и Ясин Е. Г. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*, № 5, с. 5-27.
- Латов Ю. В. и Латова Н. В. (2005). Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики // *Постсоветский институционализм*, с. 347-374.
- Латов Ю. В. и Латова Н. В. (2008). Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // *Вопросы экономики*, № 5, с. 80-102.
- Либман А. М. (2006). Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (влияние неформальных институтов) // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 53-64.
- Малый И. Й. (2007). Институциональные деформации в трансплантационной экономике // *Научные труды ДонНТУ, Серия: экономическая*, Вып. 31-1, с. 32-37.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: «Фонд экономической книги «НАЧАЛА»».
- Олейник А. Н. (2005). Институциональная экономика: учебник. М.: ИНФРА-М, с. 702.
- Сидорова А. М. и Лемещенко П. С. (2013). Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия, Мн.: Мисанта, 113 с.
- Тевено Л. (2005). Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // *Институциональная экономика: учебник / Под общ. ред. А. Олейника*, М.: ИНФРА-М, с. 83.
- Helmke G. and Levitsky S. (2012). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. (<http://www.oecd.org/dataoecd/52/23/37791245.pdf> - Access Date: 14.02.2012).
- Hofstede G. (2012). Cultures and Organization – Software of the Mind. (<https://>

westwood.wikispaces.com/file/view/Hofstede.pdf - Access Date: 30.11.2012).

Trompenaars A. and Hampden-Turner Ch. (1993). *The Seven Cultures of Capitalism*, New-York: "Doubleday", 262 p.

REFERENCES

Akopyan A. S. (2008). Formation of the Institute for integration of post-Soviet countries. *Herald of the Volga State University*, no. 1 (12), pp. 39-42. (In Russian).

Barkovskiy A. N. (2003). Economic policies of the CIS countries: the polarization of interests. *Problems of Forecasting*, no. 3, pp. 137-145. (In Russian).

Degtyareva S. V. (2006). Formation of the institutional system of the economy and institutional changes. *Proceedings of DonNTU, Series: Economic*, issue 103-2, pp. 50-55. (In Russian).

Desforges S. Yu. (2007). Transplantation of institutions as a form of establishment of a social market economy. *Proceedings of DonNTU. Series: Economic*, issue 31-1, pp. 167-171. (In Russian).

Gubanov N. I. (2007). The mentality and its manifestations in contemporary society: author. dis. ... PhD in Philosophy Sciences: 09. 00. 11, Moscow, pp. 3-24. (In Russian).

Helmke G. and Levitsky S. (2012). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. (<http://www.oecd.org/dataoecd/52/23/37791245.pdf> - Access Date: 14.02.2012).

Hofstede G. (2012). *Cultures and Organization – Software of the Mind*. (<https://westwood.wikispaces.com/file/view/Hofstede.pdf> - Access Date: 30.11.2012).

Kiriyenko V. V. (2007). The mentality of modern Belarusians (sociological analysis): thesis... PhD in. Sociology 22.00.06, Minsk, pp. 25-32. (In Russian).

Kouzminov Ya. I. (1992). Soviet economic culture: heritage and way of modernization. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 3, pp. 44-57. (In Russian).

Kouzminov Ya. I., Radaev V. V., Yakovlev A. A. and Yasin E. G. (2005). Institutions: from import to raising. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 5, pp. 5-27. (In Russian).

Latov Yu. V. and Latova N. V. (2005). Economic mentality as informal institution of the Russian economy. *Post-Soviet Institutionalism*, pp. 347-374. (In Russian).

Latov Yu. V. and Latova N. V. (2008). Etnometric approaches to the analysis of economic and cultural values. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 5, pp. 80-102. (In Russian).

Liebman A. M. (2006). Institutional competition and post-Soviet transformation (the influence of informal institutions). *Social Studies and the Modernity*, no. 3, pp. 53-64. (In Russian).

Malyj I. J. (2007). Institutional deformation in transplantation economy. *Proceedings of DonNTU, Series: Economic*, issue 31-1, pp. 32-37. (In Russian).

North D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, "Foundation for Economic book "The Beginning". (In Russian).

Oleinik A. N. (2005). *Institutional Economics: the textbook*. Moscow, INFRA-M Publ., p. 702. (In Russian).

Sidorova A. M. and Lemeshchenko P. S. (2013). *Informal institutions and market reforms in Belarus: evolution, contradictions, strategy*, Minsk, Misanta Publ., 113 p. (In Russian).

Theveno L. (2005). Values, coordination and rationality: economics agreements or the era of convergence of economic, social and political sciences // *Institutional Economics: the textbook* / Ed. by A. Oleinik. Moscow, INFRA-M Publ., pp. 83. (In Russian).

Trompenaars A. and Hampden-Turner Ch. (1993). *The Seven Cultures of Capitalism*, New-York, "Doubleday", 262 p.

Veblen T. (1984). *Theory of the Leisure Class*. Moscow, Progress Publ., 367 p. (In Russian).